

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ФАЛЬШИВЫЙ ПРИНЦ И НИЩИЙ ЦАРЕВИЧ
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I**

Самозванцы, как известно, бригада интернациональная. И в XVII веке, когда иностранцев на Руси было ещё не слишком много, в страну проникали поддельные коронованные особы со всех сторон света. Встречались среди них даже мегрелы с французами...

№ 25. «Царевич Матвей Леванович Дадзани, сын царя Мегрелии» (Левана II ? Левана III ?) [весна/лето 1681 ? – 14 июня 1682]

О подлинной ипостаси самозванца мы не знаем почти ничего – ни его настоящего имени, ни даты и места рождения, ни его походов до июня 1682 года. Но вполне можно полагать, что он был грузин. Вряд ли кто-либо иной мог успешно выдавать себя за грузинского царевича в России, ибо к 1682 году местные чиновники уже хорошо знали, как выглядят, ведут себя и говорят выходцы из Грузии. Источниками такой информации были гонцы, доставлявшие в Москву письма и дары от грузинских владетелей, посольства из Грузии, а также бывавшие там русские дипломаты. Кроме того, с 1653 года в Терках (российском форпосте на реке Терек), Астрахани и Москве подолгу жили со своими приближёнными представители монаршей фамилии, которой в то или иное время были подвластны Кахетия, Картли, Имеретия, причём несколько грузинских семейств обосновались в столице навсегда, породнившись с местными боярами.

Если наши рассуждения верны, то самозванец, видимо, был иностранным подданным и в то же время православным – приверженцем грузинской церкви. Принадлежность грузин к православию тогда не вызывала сомнений ни в России, ни за её пределами. С большей долей уверенности мы можем говорить о социальном происхождении самозванца, который на пытке признался, что он – «боярский сын». Скорее всего, это значит, что он происходил из какого-то не самого знатного грузинского княжеского рода.

К началу XVII века область расселения грузин включала три царства – Имеретию, Кахетию, Картли (Карталинию) и шесть княжеств: от Имеретии откололись Мегрелия (Мингрелия), Гурия, Абхазия, Сванетия и Джавахети (Джакетия), а от Картли – Самцхе-Саатабаго.

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–9.

Из того, что в России самозванец именовался «Одышевския земли царевич Матвей Леонтиев (Матфей Леонтиевич)» и также знали как «Матвея Дидьянца» и «царевича Матвея Дедионова сына», вытекает, что он претендовал на статус члена мегрельской монаршей фамилии. Именно Мегрелию (Мингрелию) в России того времени называли «Дидьянской (Дадзианской) землёй» – по фамилии правителей и «Одышевской (Адвешевской, Адидшевской) землёй» – по расположенной в ней низменности Одиши.

В XVII веке Мегрелия занимала часть Западной Грузии от реки Цхенис-Цхали на востоке до Чёрного моря на западе и от нижнего течения Риони на юге до реки Кодори на севере. На

этой территории с середины XV века существовало Мегрельское княжество, спустя век отделившееся от Имеретинского царства. К 1640-м годам Мегрелия тоже стала царством – Леван II Дадиани (1611–1657), победив правителей Имеретии и Гурии, принял царский титул. Русские знали его как «дидиянского государя именем Лев» и как «царя Левонтея (Леонтея)».

После его смерти был период усобиц и вторжений извне, а затем на троне обосновался Леван III Шамадавле (1660–1680) – племянник первого мегрельского царя. Когда он проиграл войну с Абхазией, его власть ослабела. Конец его правления был омрачён беспорядками и усобицами. В итоге династия Дадиани сменилась новой – её основал недавний вельможа Кация Чиковани (1680–1682).

За отсутствием ясных указаний в источниках мы не знаем, за сына какого именно монарха выдавал себя самозванец – Левана II или же Левана III. Оба они оставили наследников, которым, увы, так и не довелось взойти на отцовский трон. Правда, если самозванец изображал сына Левана II, то встаёт вопрос: почему о нём стало известно так поздно – спустя 24 года после смерти его «отца»?

Что толкнуло его на самозванство? Всех причин мы не знаем, но о некоторых догадаться можно – это бедность и чрезмерное честолюбие (они же позднее заставили его пойти на обман московских стрельцов). По всей вероятности, местом, где самозванец впервые предстал в образе «царевича Матвея Дедионова сына», был уже упоминавшийся Терский городок (Терки). Как раз через эту крепость обычно ездили из Грузии в Россию и обратно. «Проявление» можно датировать весной-летом 1681 года.

Вполне вероятно, что местному воеводе (а потом и в Москве) самозванец наврал, будто на дороге в Терки его ограбили, а свиту побили до смерти или увели в плен. Увы, с настоящими грузинскими монархами и членами их семей такое бывало не раз.

Раз лжецаревич оказался в Москве и жил там открыто, значит, в Терках ему поверили и дали официальное разрешение въехать на основную территорию Российского государства. Там он двигался, видимо, тем же путём, каким, как правило, следовали ранее и члены правящих фамилий Грузии, их послы и гонцы: Терки – Астрахань – Чёрный Яр – Царицын – Саратов – Самара – Симбирск – Тетюши – Казань – Козьмодемьянск – Нижний Новгород – Муром – Касимов – Переяславль-Рязанский – Коломна – Москва.

Этот путь обычно занимал не менее двух месяцев. В дороге самозванец, по всей видимости, получал от чиновников «подённый корм» (яства и питьё): по традиции иностранные официальные лица с момента их встречи у рубежа России переходили на полное государственное обеспечение продовольствием.

Лжецаревич оказался в Москве примерно с сентября по декабрь 1681 года. То, что с ним было по приезде, можно гипотетически представить, если посмотреть, как обычно привечали иноземных дипломатов и высочайших особ. Вероятно, самозванца снабдили охраной и поселили на отдельном дворе – не исключено, что на Покровской улице, в том же доме, где до 1674 года жил царевич Николай Давидович, будущий картлийский царь Ираклий I (Назар-Али-хан). По крайней мере, про самозванца нам известно, что «у него стрельцы стояли на карауле». Вскоре после прибытия «царевич Матвей» был, очевидно, «расспрошен» в Посольском приказе о происшествиях и обстановке на Кавказе. Вполне вероятно, что он получил аудиенцию у царя Фёдора Алексеевича – согласно традиции даже простые гонцы от иноземных властителей хотя бы раз представляли перед царскими очами. Наконец, и это мы уже знаем точно, ему «из царския казны по обычаю и по мере его государево жалованье корм давашеся». Иначе говоря, лжецаревич пребывал на положении царского гостя.

Весной 1682 года ситуация в Москве резко изменилась. 27 апреля умер царь Фёдор Алексеевич. В тот же день перед народом, собравшимся у Красного крыльца в Кремле, царём был провозглашён Пётр, сын Алексея Михайловича от его второй жены Натальи Нарышкиной. Как известно, этим оказались недовольны бояре Милославские – родственники старшего царевича Ивана Алексеевича, а также московские стрельцы и солдаты. Под воздействием слуха об «измене» – о том, что Нарышкины хотят «известить»

царевича Ивана, стрельцы и солдаты 15–17 мая предали смерти нескольких родственников Петра I и тех, кого с ними связывала молва. После этого мятежники стали, по существу, хозяевами столицы. По их требованию царевич Иван 26 мая также был провозглашён великим государем – соправителем Петра I.

Всё это роковым образом сказалося на судьбе самозванца. Он полагал, что «ему корму мало и честь не великая», поэтому решил использовать мятежных стрельцов, дабы «себе честь прияти большую».

Примерно 12 июня 1682 года «царевич Матвей» сообщил охранявшим его стрельцам потряшную их новость: он-де слышал в царском дворце, «якобы все бояря хотят всех стрельцов ради их досады, что они бояр побили и в непокорстве пребывают, перевести и разными смертями их помучити». Тут же караульные передали эту весть другим стрельцам, и очень скоро в их среде опять «огнь ярости гневной возгореся».

Скорее всего, «Матвей Дидьянец» просто пересказал, подкрепив своим авторитетом, слух, уже бродивший по Москве. Одним из его распространителей был ярославец посадский человек Иван Бизяев, который даже объявил за собой «государево слово»*: он якобы слышал на дворе боярина князя Н. И. Одоевского, что «хотят бояре стрелцов переводить всякими вымыслы». Бизяев и лжецаревич говорили примерно одно и то же – возводили напраслину «на князь Никиту Ивановича да на князь Якова Никитича Одоевских, будто они говорили, чтоб стрельцов половина розослать по городом, а другую половину перевешать на Москве около Землянова города».

13 июня толпа возмущённых стрельцов явилась в Кремль и стала требовать от царей выдать заговорщиков на расправу. Для доказательства

* В России XVII века «государевым словом» назывался официальный донос о речах, несущих угрозу или оскорбление носителям высшей власти.

«измены» стрельцы представили Бизяева и «царевича Матвея». Самозванец публично донёс «на князь Никиту Ивановича и сына ево князь Якова Никитича и на боярина и дворецкого князь Василья Фёдоровича Одоевских, будто они говорили, что стрельцов вешать и казнить и рубить». То же повторил и ярославец.

Запахло новым восстанием и кровопролитием. У многих вельмож из-за этого «паки (опять. – О. У.) множество слёз пролияся». Однако царям и придворным всё же удалось утихомирить распалённых гневом служилых людей. Неожиданным итогом волнения стал арест грузинского самозванца.

14 июня 1682 года по указу великих государей лжецаревича и Бизяева «взяли в застенок», то есть подвергли пытке. Её начали около полудня. На ней присутствовали «все бояре» (видимо, все члены Боярской думы высшего разряда), хотя они и были в большом страхе из-за того, что стрельцы ждали результатов пытки тут же, на улице, неподалёку от «застенка». К счастью для властей, подследственные сознались в том, что их обвинения были ложными. В частности, самозванец «повинился, что он такого слова у бояр не слышал и затеял напрасно». При этом он вдруг отказался и от монаршего статуса («сказал, что он не царевичь – боярской сын»). Тут же его вместе с Бизяевым приговорили к смертной казни.

Приговор был исполнен в этот же день. На Красной площади Ивану Бизяеву отрубили голову, самозванца же ждала более мучительная и потому более подобающая для него кара – четвертование. Кстати, вместе с ним был четвертован стольник и стрелецкий полковник Степан Янов – тот самый, кто в 1674 году со своим полком конвоировал по Москве самозваного «царевича Симеона Алексеевича» (Воробьёва), о котором мы рассказывали в прошлом номере «Родины».

Источники

- Записи Разрядного приказа // Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М. 1976. С. 279.
- Записки приказных людей конца XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М. 1979. С. 267.
- Медведев С. А. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М. 1990. С. 121–122.

Литература

- Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М. 1969. С. 205–206.
- Соловьёв С. М. Соч. Кн. 7. М. 1991. С. 280.

26. «Побочный сын польского короля Яна III Собеского» [весна 1682/ 1683 ?] – Бризасье по прозвищу Поляк (Brisacier le Polonais)

Этот персонаж, который в источниках зовётся лишь по фамилии и прозвищу, полученному им как раз в результате самозванства, был француз, подданный французского короля и католик. Родился он, очевидно, в Париже примерно в 1647 или 1648 году.

Его отец Гийом де Бризасье был буржуа, успешно совмещавший предпринимательскую деятельность (в том числе иезуитскую торговлю) с чиновничьей службой. Вскоре после того, как в 1661 году фактическим главой французского правительства стал известный финансист Жан-Батист Кольбер, Гийом купил пост интенданта финансов, а затем и должность секретаря при королеве Марии-Терезе. Последнее приобретение обошлось ему в 500 тысяч франков*, не считая 20 тысяч «лично для мадам Кольбер». В 1664 году известный живописец Антуан Массон создал его портрет. В это время Гийом со своей семьёй жил на набережной Малакэ в доме, который называли Голландским отелем.

Дядей (братом отца?) будущего самозванца был, по всей видимости, Жан де Бризасье (1592–1668), иезуит, известный полемист и проповедник.

Насколько образован был будущий лжепринц, мы не знаем, но судя по всему, он хорошо владел французской грамотой и, возможно, латынью, умел составлять бумаги. Примерно в 1665/1668 году он сменил отца на посту секретаря королевы, чему поспособствовал и его дядя. Маркиза де Монтеспан в своих мемуарах пишет: «У аббата де Бризасье, знаменитого властителя дум, имелось достаточно друзей и влияния, чтобы продвинуть молодого Бризасье, своего племянника, в окружение королевы, личным секретарём которой тот и был назначен». Эта должность приносила ему ежегодно около 200 тысяч франков. Многие посчитали бы его богачом, но для вельмож такой доход был пустяковым. Они смотрели на Бризасье-сына свысока, тем более что по происхождению он был простолюдин. Вряд ли случайно никто из дворян-мемуаристов не смог или не захотел назвать его имя.

Однако Бризасье-сына сжигало неутолённое честолюбие, «ему казалось,

* Тогдашний франк – французская золотая или серебряная монета; и та и другая имели одинаковую стоимость (равнялись ливру); золотая весила около 3,8–3,9 г, серебряная (чеканилась в 1575–1641 гг.) – около 14,2 г (Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1980. С. 59–60).

что его пребывание при королеве Марии-Терезе – великая несправедливость фортуны». Он полагал, что достоин большего и всё время искал средство быстро и без особых усилий

возвыситься. И вот он узнаёт, что польским королём стал Ян III Собеский (избран монархом 21 мая 1674 года, коронован 2 февраля 1676 года). Об амурных похождениях Яна, жившего в Париже с конца 1646 по октябрь 1647 года в возрасте 19–20 лет, ходили легенды. У тщеславного секретаря французской королевы родилась идея: а что, если выдать себя за отпрыска нового правителя Речи Посполитой? При этом потенциальный самозванец решил использовать «как лестницу для возвышения» свою должность. Так появилась его легенда, что «король Польши, в то время, когда жил в Париже как простой дворянин, завёл роман с Мадам Бризасье, и что он, француз Бризасье, родился от него, польского короля». В эту сказку, кстати, до сих пор верят сочинители всякого окологисторического ширпотреба в Польше, полагая, что фамилия нашего героя происходит от Hotel de la Ville de Brisac в Париже, где Собеский останавливался в конце лета 1647 года.

Французская королева посылала множество писем в разные страны, но очень редко писала их собственноручно. И вот однажды – примерно летом 1675 года – Бризасье подсунул ей на подпись письмо, адресованное польскому королю, которое Мария-Тереза и подмахнула, не обратив на него никакого внимания.

Его содержание излагает в своих мемуарах маркиза де Монтеспан: «В этом письме, которое с начала и до конца расхваливало господина Бризасье, королева чрезвычайно любезно напоминала северному монарху о его давнишней связи с respectable матерью этого молодого человека, и Её Величество просило принца испросить у короля Франции титул и достоинство герцога для столь превосходного субъекта».

Заимев такую рекомендацию, Бризасье-сын уговорил знакомого кармелита* отвезти её в Польшу вместе с другим письмом, которое он сочинил уже лично от себя. При этом в свой хитроумный план секретарь королевы посланца не посвятил.

Примерно в сентябре-декабре 1675 года произошло заочное «проявление» самозванца. Дадим слово мемуаристу – аббату Ф.-Т. де Шуази: «В это время прибыл в Варшаву некий французский монах-кармелит, который весьма настоятельно просил у короля разрешения поговорить с ним наедине. Добиться аудиенции было трудно, однако он её всё же получил, передав королю, что речь идёт об особенном деле – таком, о котором Его Величество король Польши должен знать обязательно; этот отец-кармелит вручил королю письмо, смысл которого был таким: человек, который имеет честь писать Его Величеству, будучи при этом ему неизвестным, находит себя обязанным, пусть даже это скажется на репутации его матери, напомнить Его Величеству, что тот, будучи во Франции, как-то, выходя из Академии**, познакомился с одной красавицей и завёл с ней роман, и она, поскольку была замужем, представила дело так, будто от мужа у неё сын, которого на самом деле она имела честь родить от Его Величества; что этого сына так называемый его отец осчастливил только тем, что купил ему должность секретаря при королеве Франции; что, поскольку фортуна и личное достоинство возвели его настоящего отца на польский трон, то и тот, кто имеет честь являться и признаваться его – короля – сыном, смеет надеяться на возвышение; что, кроме того, ему покровительствует королева Франции, которой он не только открыл то, кем является на самом деле, но и поведал о своём намерении обратиться с мольбой к Его Величеству королю Польши; и что, признав его сыном последнего, королева Франции со своей стороны всецело поддерживает его мольбу, дабы король Польши попросил французского короля сделать его герцогом и пэром.

Это письмо было подписано: Brisacier, secrétaire des commandements de la Reine Marie-Thérèse, и в нём также говорилось, что монах-кармелит будет иметь честь поведать Его Величеству о некоторых обстоятельствах, на которые он умолял короля обратить внимание. И сразу же кармелит ему вручил два письма: одно от королевы Франции, которая учтиво и в то же время настойчиво склоняла Его Величество короля Польши к тому, чтобы он попросил короля Франции, её мужа, о милости – о производстве Бризасье в герцоги; а другое письмо содержало переводный вексель на 100 000 экю***, подлежащий оплате в Данциге (Гданьске. – О. У.) предъявителю от имени короля Польши. Ко всему этому прилагался

очень красивый портрет королевы Франции, рамка которого была украшена алмазами; и этот портрет, который кармелит ему вручил, стоил не менее 20 или 25 тысяч экю.

Король, удивленный столь неожиданным приключением, не припомнил ни мадам Бризасье, ни того, чтобы у него был сын, однако поскольку во время его первых путешествий во Францию у него были связи с несколькими не самыми добродетельными женщинами, то могло статься, что всё изложенное в письме, подписанном Brisacier, – правда.

Король начал с того, что принял портрет и послал копию переводного векселя в Данциг, желая узнать, можно ли по нему получить деньги; и когда его оповестили, что вексель действителен, король в здравом размышлении заключил, что в конечном счёте 100 000 экю получить столь же удобно, как и портрет, который он уже принял; что письмо от королевы Франции не позволяет сомневаться в том, что Бризасье мог быть его сыном; и вручил кармелиту (в конце 1675 – январе 1676 года. – *О. У.*) послание к французскому королю, в котором пересказал содержание письма от Бризасье, сообщил, что у него во Франции есть сын, которого он готов признать, и настойчиво просил почтить последнего королевской милостью – сделать его герцогом. Потом Его Величество король Польши занялся переводным векселем. Он любил деньги и, не теряя времени, послал в Данциг получить 100 000 экю, которые полагались по векселю.

Велико же было удивление французского короля (Людовика XIV, правившего в 1643–1715 годах. – *О. У.*), когда он получил письмо от короля Польши. Бризасье не был важной фигурой, и на него всегда смотрели как на простого подданного, которого, как полагали, даже слишком почтили тем, что позволили ему быть секретарём королевы... Его Величество решил хранить тайну, обращался с Бризасье, как обычно, и написал маркизу де Бетюн (французскому послу в Польше. – *О. У.*), чтобы тот разведал,

* Кармелиты – монахи нищенствующего католического ордена.

** Имеется в виду Французская академия (Académie Française).

*** Экю – французская золотая и серебряная монета; золотая с 1475 по 1683 г. весила около 3,3–3,6 г, серебряная (чеканка началась в 1641 г.) – около 26 г (Зварич В. В. Указ. соч. С. 195).

[с. 60]

действительно ли король Польши убеждён, что Бризасье – его сын.

Маркиз (в феврале – августе 1676 года. – *О. У.*) улучил момент, когда король Польши был на охоте и в хорошем настроении. «"Осмелюсь ли я, сир, – сказал он ему, – спросить у Вашего Величества, кто таков некий Бризасье, который во Франции распускает слух, что он имеет честь быть вашим сыном и что Ваше Величество, будучи готовыми его признать, просили у короля, моего повелителя, возвести его в наивысшую степень достоинства Французского королевства?"

"Чёрт меня побери, – сказал король, – если я знаю, кто такие месье и мадам Бризасье. Я не был целомудренным, когда жил во Франции, и там со мной бывало всякое – и хорошее, и дурное"; и тут же король ему рассказал о том, что содержалось в письме от Бризасье, – о разъяснениях, которые тот ему дал относительно своего рождения, переводном векселе на 100 000 экю и портрете французской королевы, богато украшенном алмазами; и о том, что более всего укрепило его во мнении, будто вышепомянутый Бризасье действительно является его сыном, – о письме королевы Франции, которое неоспоримо свидетельствовало, что она ему покровительствует и, судя по всему, питает к нему крайнее уважение.

Маркиз де Бетюн сообщил ему всё, что знал о талантах, связях и делах господина Бризасье, вполне способного на плутовство и заслуживающего посему пристального внимания. По возвращении с охоты король передал ему оригинал письма от королевы Франции, сказав при этом: "Судите сами, месье, мог ли я сделать меньшее для человека,

который называется моим сыном и которого так настойчиво мне рекомендовала особа высочайшего происхождения – набожная и добродетельная королева Франции".

Маркиз де Бетюн послал оригинал этого письма королю Франции...»

Долгожданную улику тот получил в сентябре 1676 года. Если обобщить известия маркизы де Монтеспан и аббата де Шуази, то беседа короля с Марией-Терезой была такой. Людовик XIV поначалу не доверял жене и шёл разговаривать с ней настороже, собираясь понаблюдать за тем, как она будет ему отвечать.

– Мадам, Вас по-прежнему удовлетворяет молодой Бризасье, Ваш личный секретарь?

– Более или менее. Он немного легкомыслен, немного рассеян, однако в целом славный молодой человек.

– Почему Вы рекомендовали его королю Польши вместо того, чтобы рекомендовать его непосредственно мне?

– Королю Польши – я?! Я не писала ему с тех пор, как поздравила его с восшествием на престол.

– Тогда, мадам, Вас обманули, ибо у меня в руках Ваше недавнее письмо. Вот оно, я возвращаю его Вам.

Королева узнала свою подпись, «но по мере того, как она читала письмо, её удивление возрастало, и она продолжила разговор уверениями, что никогда не думала о подобной дерзости, что она просто не знает, в чём дело, и что, должно быть, Бризасье сошёл с ума; очевидно, этот плут подsunул ей письмо на подпись вместе с ворохом приветственных писем, которые она обычно подписывает, не читая, поскольку это обычные письма с одинаковым стилем и малозначительным содержанием».

– Мою подпись использовали без моего ведома. Один Бризасье может быть виновен, ибо только он в этом заинтересован.

– Ну что ж, мадам, впредь будьте внимательней к тому, что подают Вам на подпись; и я требую от Вас, чтобы Вы не говорили ни слова о сей аванюре этому безумцу Бризасье.

Несколько дней спустя самозванец предстал перед королём. Увидев сфабрикованное им письмо, «он сразу же смутился». Монарх «приказал его арестовать, и Бризасье отправили в Бастилию; изъяли все его бумаги, а самого его допросили».

В Бастилии, знаменитой парижской тюрьме, самозванец оказался 5 октября 1676 года. На допросе, как повествует Шуази, он себя разоблачил: «Этот сумасбродный малый признался, что всю эту красивую историю он выдумал. Он рассказал, каким образом склонил знакомого кармелита к тому, чтобы тот отвёз в Польшу письмо, которое королева подписала, даже не зная, что в нём было, не забыл он и про посланный им портрет и переводный вексель на 100 000 экю. Король послал все показания Бризасье и свидетелей Его Величеству королю Польши, который доподлинно узнал, что его хотели впутать в неблагоприятное дело, и принёс извинения французскому королю за свою наивность».

Лжепринц-неудачник просидел в Бастилии до 11 февраля 1678 года, после чего, согласно Шуази, «как сумасшедший был освобождён с повелением покинуть Францию. Его первейшая забота состояла в том, чтобы отправиться за своим переводным векселем на 100 000 экю, по которому польский король уже получил деньги; он поехал в Варшаву, надеясь там что-нибудь получить».

Мы не знаем, когда именно «принц» покинул родину и оказался в Польше, сколько времени он там провёл. Известно лишь то, что в январе 1682 года он всё ещё был в Варшаве.

По свидетельству Шуази, Ян Собеский «отнёсся к нему как мошеннику и самозванцу». Но у Бризасье-сына были кредиторы, и они «подали столько справедливых прошений Его Величеству королю Польши, что он пообещал расплатиться с некоторыми из них». В конце концов монарх сожалел и над самозванцем: «Этому бедолаге дали пять или шесть сотен пистолей*, и он отбыл в Московию, где и умер, с намерением отправиться оттуда в Индию искать счастья, которого не нашёл в Европе».

Точно не известно, когда же Бризасье оказался в России, но вряд ли это произошло ранее весны 1682 года. Не ясно и то, возродился ли он в своей мифической ипостаси после приезда

или нет. Скорее всего – да, но доказать это пока нельзя. Как бы то ни было, на территории Российского государства он был уже апатридом и эмигрантом, хоть и не бедным человеком, но и не таким богатым, как ранее, до ареста. Мы также знаем, что он умер в Москве, правда, не можем сказать, когда именно. Можно лишь предполагать, что смерть его наступила не позднее 1683 года и что на тот свет он отправился всё-таки принцем. Король же Ян Собеский в том самом 1683-м одержал свою самую яркую военную победу, восхитившую Европу, отбив турок от Вены...

Источники

Mémoires de l'abbé de Choisy: Mémoires pour servir a l'histoire de Louis XIV. Mémoires de l'abbé de Choisy habillé en femme. Paris, 1966. P. 77–78, 212–216, 398 (note).

Mémoires de la Madame la marquise de Montespan (любое издание). Vol. V. Chap. VIII.

Литература

Строев А. Ф. «Те, кто поправляет Фортуну»: Авантюристы Просвещения. М. 1998. С. 250–251.

* В XVI–XVIII вв. пистолями назывались почти все золотые монеты, равные по весу (около 6,2 г) дублону или двойному испанскому эскудо; пистолем называлась также сумма денег в 10 ливров (Зварич В. В. Указ. соч. С. 132, 197).